

Исторический трехмесячный журнал

LXIV год издания — 2/1957

Сокращения

Андржей Малевски, Ежи Топольски

ВОПРОС ПРИЧИННОСТИ В ИСТОРИИ

Целью статьи является анализ практики историков в области причинного объяснения. Авторы обращают внимание на то, что самая задача причинного объяснения понимается разнно. На вопрос, почему произошёл определенный факт, иногда ожидается ответа, сообщающего достаточное условие, иногда ответа, указывающего одно из необходимых условий либо одно из необходимых условий в данном положении (необходимых слагаемых достаточного условия), или одно из благоприятных условий, иногда ожидается ответа, указывающего ряд разных условий необходимых или благоприятных. Кроме того на вопрос, почему произошёл определенный факт, иногда ожидается ответа, указывающего обстоятельства, находящиеся в более непосредственной связи с исследованным фактом и иногда обстоятельства, находящиеся в более посредственной связи. То же самое событие один объясняет при помощи обстоятельства X, а другой при помощи обстоятельства Z, которые были причиной происшествия X.

К этим разногласиям присоединяются иногда разницы в области критериев селекции. Легко заметить, что каждое объяснение, например указывающее условие в данной обстановке, необходимое для возникновения исследованного происшествия, оценивается равносильно. Некоторые из таких объяснений оцениваются как незначительные и неинтересные, а другие как достойные внимания — причем и в этой области выступают расхождения во мнениях, которые нелегко устранить.

Эту ситуацию, вызванную расхождениями в понимании самой задачи причинного объяснения, дополнительно усложняют недостатки в осуществлении этой задачи. Анализу указанных недостатков посвящена вторая часть этой статьи. Авторы обращают в ней внимание на часто незамеченную многозначность некоторых выражений, употребляемых историками при описании взаимосвязей между фактами. Они указывают, что пользование такими оборотами, как например „главная причина” или „самая важная причина”, и также некоторыми оборотами метафорического характера, создает опасность возникновения споров в основном неразрешимых. Утверждая зависимость между фактами, приводится ряд примеров, произносимых чисто декларативно или обосновываемых неудовлетворительно.

Наконец обращается внимание на нередко встречаемые примеры объяснений, в которых не уточняется ближе фактов объясняющих или объясняемых, или же не обосновывается источниками того, что факты эти действительно происходили.

Применение охарактеризованных выше методологических рассуждений авторы показывают в третьей части статьи на примере монографического анализа разных, взятых из исторической литературы, выяснений снижения сельскохозяйственной продукции в Польше в XVII и XVIII веках, а также разных выяснений оброчных реформ в Польше XVIII-го века.

В конце статьи авторы рассуждают, каким образом обеспечить причинным объяснениям в истории высшую степень точности и выдвигают в этой области ряд постулатов.

Станислав Гжещук

КШИШТОФ ОПАЛИНСКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПОЛИТИКЕ ВЛАДИСЛАВА IV-ГО ДО 1645 Г.

Личность и деятельность знаменитого познаньского воеводы, Кшиштофа Опалинского, автора томика пятидесяти двух сатир, всегда занимали исследователей. На общие и научные взгляды о Опалинском как политике больше всего однако повлиял посвящен ему исторический очерк Карла Шайнохи. Оценка Шайнохи, многократно несправедливая и оскорбляющая, удержалась потому, что неизвестны были многочисленные факты с жизни и деятельности Опалинского. Настоящий труд ставит себе задачу пересмотреть традиционные взгляды на определенный отрезок биографии автора „Сатир” опираясь на новые материалы, а также совершить критический анализ известных до сих пор источников.

В трудах о Кшиштофе Опалинском, включая также и последние, господствует убеждение, что антипатия между двором Владислава IV-го и познаньским воеводой имеет место с момента выступления этого последнего на сейме 1638 г. против планов короля и канцлера Оссолинского. Тем временем однако источники доказывают, что Опалинский тогда совсем не выступал против политики Владислава IV-го, как раз наоборот, он дал свою поддержку по подавляющему большинству вопросов, даже поддержал короля в его приватно-семейных требованиях. Он подвергал критике единственно военные мероприятия короля и особенно обращал внимание на необходимость экономических преобразований.

Ничто не указывает на то, что после 1638 г. порваны были отношения между Опалинским и двором. Воевода познаньский ведёт довольно оживленную общественную деятельность, поддерживает связь с королевским двором, получает от короля два староства. Тем не менее однако отмечаем некоторое охлаждение отношений. К этому приходит по поводу принципиальных политических разногласий. Опалинский, который на сейме 1638 г. поддержал требования короля в отношении морских пошлин, усматривая в этом путь к экономическому укреплению государства, в своих политических симпатиях склоняется к Франции. Он усматривал на западе Европы достойные подражания образцы экономической реформы страны. Выскажет это в написанных уже тогда „Сатирах”. Убеждение о необходимости ведения мирной политики рассчитанной на преобразование национальной экономики на принципах меркантилизма, наконец французские симпатии были причиной, что Опалинский оказался в оппозиции относительно политики короля по вопросу войны со Швецией.

В своих взглядах и общественных выступлениях определенно на первое место ставит Опалинский вопрос экономического укрепления государства. Справедли-

вая и глубоко задуманная программа реформы городов, пуманный и одновременно рациональный взгляд на крестьянский вопрос, сопоставлены с его выступлениями или конкретными осуществлениями социальных идей „Сатир” в собственных поместьях, указывают на главную область заинтересованности Опалинского.

Эти причины, не личные только — на что не имеем доказательств — объясняют отрицательное отношение к политике Владислава IV-го, который стремился приобрести шведскую корону при поддержке Австрии. Эта политика толкала Польшу неизбежно к войне со Швецией и Турцией. Этого однако не мог желать лишен политическим предраассудком вельможа, желающий скорее экономического укрепления государства (и в этом, по поводу некоторых мероприятий, усматривал свой собственный интерес), чем его ослабления в войне с могущественной Швецией. Итак мы у источников этой критики поступков королевского двора. В споре между Опалинским и окружением короля, нельзя не сказать, что прав был именно этот первый.

Анджей Зайончковски

ВРЯД ЛИ СИНТЕЗ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

Автор полемики считает, что макет истории Польши недостаточно учитывает социально-экономическую историю шляхетского сословия, которое в истории Польши сыграло большую роль. Слишком мало внимания посвящено вопросу возникновения шляхетского сословия, особенно процессу его внутреннего, классового расщепления. Поэтому картина классовой борьбы в феодальной Польше не является полной.

Макет не имеет синтетического характера, прежде всего по поводу отсутствия предметной точности. Вместо одного синтеза истории Польши, мы встречаемся с попытками многих синтезов разных периодов, различных областей истории. Не уменьшает это качества макета как университетского пособия для неисториков, но качество это уменьшается отсутствием однородных критериев оценки.

На макет отрицательно отразилось отсутствие сотрудничества историков с представителями других гуманитарных дисциплин.

Серьезным недостатком макета является то, что авторы базируются на методологически неупорядоченном составе понятий. Понятие патриотизма применяется независимо от понятия нации; понятие нации и понятие национальности содержат взаимные противоречия; понятие прогресса — неясно.

Методологическая сторона вопроса уполномочивает к выводу, что о синтезе истории Польши говорить еще преждевременно.

Владислав Палуцки

„НАРОК” В УСТРОЙСТВЕ ПОЛЬШИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Настоящая статья является полемикой с пониманием нарока в трудах К. Тыменецкого, особенно в его „Нарочниках в феодальном хозяйстве”. К. Тыменецки считает нарочников за старейших ибо хронологически среди хлеборобов первых

оброчников, отличающихся родом, высотой и способом отдачи своих феодальных повинностей, причем за важнейшую особенность этих повинностей считает денежный чинш. По мнению К. Тыменецкого нарочники не имели ничего общего с сервитутными деревнями. К. Тыменецкий, который в первоначальных исследованиях склонялся к правокриминальной теории нарока (лансированной Буяком), позже, опираясь на исследования тшебницких документов, поддержал и систематизировал давнюю теорию Мацеёвского, что нарочники это арендаторы и данники.

В понятии нарочников нельзя однако доискиваться исключительно экономического содержания. Нельзя тоже статически рассматривать этот вопрос, и, опираясь на документы с 1204 года, оставлять в стороне более ранние функции нарочников. Заключение, что нарочники не имели ничего общего с сервитутными деревнями в период до 1204 года, не удерживается. Кроме того К. Тыменецки обсуждает главным образом силезийских нарочников за счет малопольских и великопольских. Производя этимологические исследования с наставлением также на экономическое значение термина нарок, Тыменецкий элиминировал часть источников.

Уже З. Войцеховски усматривал в нарочниках ближе неопределенную службу в пограничных „продах“, а позже (уже после обработки автором его неизданной диссертации о нароке) в пользу этого тезиса высказался тоже Домбровский, а против, м. др., К. Тыменецки.

Более широкое обоснование взгляда автора относительно нарока содержит подготовленная к печати более обширная диссертация. Польские нарочники это нарочные князя, предназначены для поддержания постоянной и быстрой связи с пограничными „продами“. Размещение нарочников объясняется тоже предназначением их к пересылке сведений и приказов в наиболее отдаленные „гроды“, отсюда например любушские нарочники под Вроцлавом. Тезис этот подтверждают тоже сравнительные этимологические исследования (нарок — нарочный, посылный, курьер). Это значение нарочники потеряли в период углубляющейся феодальной раздробленности.

Збигнев Ляндау, Ежи Томашевски

ТАЙНАЯ ЛИ ДИПЛОМАТИЯ?

Авторы полемизируют со статьей профессора Яблонского под заглавием „Из тайной дипломатии Владислава Грабского в 1924 году“, помещенной в № 4—5/56 „Трехмесячного Исторического Журнала“.

Первая часть рассуждений посвящена представлению в наиболее общих чертах связей, имеющих место между соотношением сил в Европе после первой мировой войны и отношением Англии и Франции к Польше, а также обсуждению причин роста заинтересованности Англии Польшей после 1922 года.

Продолжая свои замечания авторы полемизируют с основным тезисом статьи проф. Яблонского о попытках правительства Грабского посредством тайной дипломатии добиться поддержки Англии в 1924 году. Этому противоречат — по их мнению — такие факты, как например отказ правительства Грабского от сотрудничества с миссией английских финансистов под руководством Г. Юнга. Они стараются доказать, что некоторые события, которые проф. Яблонски считает как проявление уступок правительства Грабского перед нажимом со стороны Англии,

как например вопрос погашения военных долгов, финансовых реформ — имеют другие причины.

Они предполагают, что в случае, описанном проф. Яблоновским, речь идет не о тайной деятельности правительства, чтобы заинтересовать Англию Польшей, а о деятельности ловких посредников, выступающих в интересах чужой финансовой группы, желающей действовать на территории Польши. Посредники эти старались заинтересовать премьер-министра и министра финансов своими возможностями содействовать в привлечении в страну английских капиталов.

Рассуждения имеют дискуссионный характер.

Жан Мейно

ФРАНЦУЗСКО-ПОЛЬСКАЯ ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

ЮНЕСКО, вместе с французской Комиссией по делам ЮНЕСКО, организовала по просьбе польского правительства и по инициативе Польской Академии Наук — в днях 1—20-го октября 1956 года в Париже, в Сорбоне, цикл конференций, темой которых был экономический и социальный прогресс. В семинаре этом участвовало около тридцати молодых польских специалистов из области социальных наук и приблизительно такое же самое количество французских членов. Главной задачей съезда было создать более живое сотрудничество профессоров и исследователей стран восточной и западной Европы. Францию и Польшу избрано соизнательно пионерами начала этого сотрудничества, имея в виду вековую традицию дружбы, которая соединяет эти народы. Программа семинара обнимала три очередные сессии (историческую, экономическую и социологическую), из которых каждая работала одну неделю и заседала под председательством профессоров: Фернанда Броделя (College de France), Жана Лемма (Юридический факультет Парижского Университета) и Жоржа Фридмана (Conservatoire National des Arts et Métiers). Следующие проблемы признаны главными: 1) анализ актуальных методологических тенденций в проводимых исследованиях, 2) анализ самого понятия прогресса, 3) анализ некоторых важнейших избранных проблемов современности, 4) вклад социальных наук в социальную политику. На конференцию приглашено в характере преподавателей следующих польских и французских ученых: с польской стороны — профессоров: Ницу Ассородобрай, Александра Гейштора, Константоа Гжибовского, Витольда Кулю, Эдварда Липинского, Тадеуша Лыховского, Бронислава Минца, Богдана Суходольского и Яна Щепанского. С французской стороны были избраны профессора: Р. Даваль, Пьер Диетерлен, Гастон Ледок, Клод Леви-Штраусс, Шарль Мораз, Пьер Вильяр и Жан Веер. Кроме того о своем участии сообщили два английских специалиста: Томас Боттомор и Р. Миллибэнд (оба из London School of Economics and Political Science) и один швейцарец — проф. Рожке Жиро (из Университета в Женеве).

Резюмируя, семинарий принес положительные результаты, благодаря свободному и плодотворному обмену мнениями и опытами. Он не мог конечно исчерпать всех вопросов, выдвинул однако много идей и суггестий для дальнейших исследований. Семинарий сформулировал возможности организовать дальнейшие съезды этого рода.

Можно выразить желание, чтобы ЮНЕСКО и соответствующие национальные комиссии сделали все возможное для облегчения сотрудничества, которое соответствует глубочайшим пожеланиям французских и польских интеллектуалистов: желание это является своего рода единственным залогом взаимного понимания в мире, в котором понимания этого действительно не слишком уне много.

ИЗ НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ В СТРАНЕ

С 19 по 21 октября заседал в Варшаве Юбилейный Съезд по поводу семидесятилетия Польского Исторического Общества¹. На съезд прибыли: генеральный секретарь Международного Комитета Исторических Наук, проф. М. Франсуа, а также представители исторической науки СССР, Чехословакии, Венгрии, ГДР и Китая. Кроме пленарных совещаний, съезд заседал в пяти секциях: всеобщей истории, новейшей истории, архивистики и вспомогательных наук истории, региональных исследований и дидактики и секции по делам молодых историков. В течение пленарных заседаний были произнесены доклады, посвященные истории Польского Исторического Общества: проф. проф. Т. Мантейфеля и М. Г. Серейского — „Семидесятилетие Польского Исторического Общества“, и проф. А. Стебельского — „Пятидесятилетие Общества Любителей Истории в Варшаве“.

Съезд занялся также изменениями организационных форм Польского Исторического Общества (в течение последнего года число членов ПИО возросло на 25%, а в сравнении с 1939 г. на 65%). Съезд принял изложенные проф. Н. Гонсёровской программные директивы Общества, а также новый статут. Дискуссии в секциях, главным образом, были посвящены ситуации и задачам отдельных областей исторических знаний. Во время совещаний секции всеобщей истории констатировано, что в 50-тых годах наступило ослабление научных контактов с рядом стран; в настоящее время будет обращать больше внимания на участие в международных комиссиях и исторических конференциях. Обращено внимание на предмет исследований всеобщей истории в наших условиях. Часть диспутантов считала, что исследования по всеобщей истории должны прежде всего учитывать вопросы соотношения истории Польши с всеобщей историей, участия Польши в международных отношениях; другие высказывались за тематику не связанную тесно с польскими проблемами, постулируя заняться основными вопросами всеобщей истории. Постулировано расширение библиографической информации о зарубежных изданиях и популяризацию за границей наших достижений. В секции новейшей истории сильно была подчеркнута необходимость порвать с ошибочным, во многих случаях, освещением периода после 1918 года, выдвинуто требование расширить базу источников к этим годам, особенно к периоду гитлеровской оккупации. В секции региональной истории подчеркнута, что региональные исследования имеют промадное значение особенно в западных землях. В архивной секции обращено внимание, что Польше не возвращено части актов, вывезенных гитлеровцами, Польша не получила тоже актов, которые ей полагаются в связи с новыми границами. Наконец в секции усовершенствования молодых историков обращено внимание на средства повышения уровня обучения

¹ „Трехмесячный Исторический Журнал“ посвятил совещаниям съезда ПИО краткую заметку в № 6 с 1956 г. и подробный отчет в № 1 с 1957 г.

истории в начальной и средней школе, а также в университете. Одновременно обращено внимание на условия, в каких развивается молодая научная кадра.

Дискуссия по вопросам новейшей истории Польши имела место 5-го и 6-го декабря 1956 года на специальном совещании. Как указал во вступительной речи доц. Ч. Мадайчик, исследования по новейшей истории отстали от исследований по другим периодам истории². Исследования по этому периоду были обременены принятием определенных предпосылок априори и ошибочным часто пониманием партийности науки, касается это особенно истории рабочего движения. Кроме того на заседании произнесено три вступительные речи, вводимые к трем основным темам совещания, которые развинули и дополнили доклад Ч. Мадайчика. Проф. Ковальский обсудил проект (уже, между прочим, осуществлен) преобразования факультета Истории Партии в научное заведение, имеющее несколько другие задачи, а также выяснил причины ошибок факультета, которые имели до сих пор место. Директор Г. Альтман обсудил: основные архивные проблемы, которые бы осуществили возможность полного исследования по новейшей истории, вопросы ревизии актов из заграницы а также проблемы организации архивов. Проф. В. Куля затронул вопрос обучения научных кадров в области новейшей истории, а также возможности отдельных институтов и научных заведений в этой области.

В дискуссии, кроме этих трех основных тем, затронуто ряд других, выдвигая много конкретных постулатов. Особенно подчеркнуто заглаженность исследований по периоду второй мировой войны, а также по вопросам немецкого ревизионизма³. Со съездом ПИО и дискуссией на тему задач польской исторической науки связаны дальнейшие высказывания в настоящем номере „Трехмесячного Исторического Журнала“, а именно: статья проф. Н. Гонсёровской „Наука истории с точки зрения задач сегодняшнего дня“, оценивающая съезд ПИО и выводы из него вытекающие, а также статья председателя ПИО — Ст. Херста — „Задачи и перспективы дальнейшей работы ПИО“, которая обсуждает задачи отделений и главного Управления Общества в период подготовки к VIII-му Всеобщему Съезду Польских Историков (осенью 1958 г.).

Доктор Ф. Персовски в статье „Роль провинциальных центров в развитии исторической культуры“, на основании опытов из района Перемышля (юго-вост. Польша) обсуждает условия, в каких развивается научная жизнь в провинции. Исследования, которые ведутся при помощи местных архивов и библиотек, а также материалы, которые благодаря ним стали доступными, должны быть окружены заботой со стороны центральных научных отделений. Автор считает, что историческая культура в провинциальных центрах должна формироваться вокруг вопросов прошлого данного района в соединении с общенациональной проблематикой.

² Открытие дискуссии Ч. Мадайчиком „По поводу исследований в области новейшей истории Польши“ было напечатано в № 1/1957 „Трехмесячного Исторического Журнала“.

³ Совещание обсуждается более подробно в отчете настоящего номера „Трехмесячного Исторического Журнала“.

REVUE TRIMESTRIELLE D'HISTOIRE

ANNUAIRE LXVI — 2/1957

R é s u m é s

Andrzej Malewski, Jerzy Topolski

EXPLICATIONS CAUSALES DANS L'HISTOIRE

L'article se propose d'analyser les explications causales, rencontrées dans les travaux des historiens. Les auteurs attirent l'attention sur ce fait, que le problème d'explication causale est conçu par les historiens de plusieurs façons. En posant la question pourquoi un tel fait est arrivé les uns demandent d'indiquer une condition suffisante, les autres une condition nécessaire, ou un élément nécessaire d'une condition suffisante. Parfois on ne demande que l'indication d'une condition favorable, ou d'une série des conditions favorables ou nécessaires. En outre en posant la question, pourquoi un fait est arrivé, parfois on attend une réponse indiquant les circonstances liées directement, et quelquefois les circonstances qui ne sont qu'indirectement liées avec le fait en question. Le même fait est expliqué par les uns à l'aide la circonstance X, par les autres à l'aide de la circonstance Z, qui a entraîné la circonstance X.

A ces divergences s'ajoutent les différences des critères de sélection. On peut remarquer facilement, que les diverses explications indiquant, par exemple, une condition nécessaire pour que le fait en question soit arrivé ne sont pas considérées comme équivalents par les historiens. Les uns sont considérées comme futiles et peu intéressantes, les autres somme dignes d'intérêt; ici il existe également des divergences d'opinion difficiles à surmonter.

A ces divergences de la façon de concevoir la problème de l'explication causale s'ajoutent les déficiences diverses qu'on peut constater dans l'explication même. La deuxième partie de l'article est consacrée à l'analyse de ces déficiences. Les auteurs y attirent l'attention sur le caractère équivoque souvent inaperçu, de certaines expressions dont se servent les historiens en décrivant les dépendances des faits entre eux. Ils estiment, que les expressions telles que „cause principale“ ou „cause promordiale“, ainsi que les expressions de de caractère métaphorique peuvent susciter des controverses insolubles en principe. Ils citent une série d'exemples de propositions constatant une dépendance entre les faits, énoncées sans aucune raison, ou au moins, sans une raison suffisante. Enfin ils citent des exemples assez fréquents d'explications causales ou les faits qui servent à expliquer ou ceux qu'on explique ne sont pas caractérisés exactement, ou bien on ne démontre pas à la base des sources, ou ces faits ont eu lieu.

Les auteurs démontrent l'application de ces considérations méthodologiques dans la troisième partie de l'article, sur l'exemple de l'analyse monographique des expli-

cations prises dans la littérature historique la baisse de la production agricole aux XVIIe et XVIIIe s. en Pologne, et les réformes des baux fermages au XVIIIe siècle.

Pour conclure, les auteurs se demandent comment assurer aux explications causales dans l'histoire un degré plus élevé d'exactitude, et énoncent une série de postulats dans ce domaine.

Stanisław Grzeszczuk

KRZYSZTOF OPALIŃSKI ET LA POLITIQUE DE LADISLAS IV JUSQU'À 1645

Les chercheurs se sont toujours intéressés à la personne et à l'oeuvre de Krzysztof Opaliński, célèbre palatin de Posnanie et auteur d'un volume de cinquante-deux satires. Mais les jugements et opinions ont surtout été influencés par un essai de Karol Szajnocha consacré à Opaliński. Les appréciations de Szajnocha sont souvent injustes, et leur acceptation ne fut possible que par de nombreux faits inconnus de la vie du palatin. La présente étude se propose de revoir une partie de la biographie de l'auteur des Satires, sur base de nouvelles recherches et de l'analyse critique des sources connues.

Les ouvrages sur Krzysztof Opaliński expriment l'opinion que l'inimitié entre la cour de Ladislas IV et le palatin datait de l'intervention de ce dernier à la Diète de 1638, dirigée contre les plans du roi et du chancelier Ossoliński. Mais les sources démontrent qu'Opaliński ne se dressa pas alors contre la politique de Ladislas IV, mais, bien au contraire, l'appuya dans la majorité des questions, même dans les revendications privées et familiales du roi. Il ne critiqua que les initiatives militaires de Ladislas IV. Dans son vote, il soulignait fortement la nécessité des réformes économiques.

Rien ne prouve qu'Opaliński ait rompu avec la cour après 1638. Le palatin mène une vive activité publique, entretient des relations avec la cour, le roi lui octroie deux starosties. Néanmoins nous observons un certain refroidissement, à la suite d'opinions politiques opposées. Opaliński qui, pendant la Diète de 1638, avait soutenu les demandes du roi concernant les droits de douane maritime voyant en eux le voie vers l'amélioration économique du pays, sympathisait avec la France. L'ouest de l'Europe lui paraissait le modèle digne d'exemple de la réforme économique du pays. Il le dit dans ses Satires qu'il écrivit vers cette époque. La nécessité d'une politique de paix en prévision de la réforme de l'économie nationale sur des principes commerciaux, enfin les sympathies françaises d'Opaliński, provoquent qu'il se trouva à l'opposition de la politique royale pendant la guerre contre la Suède.

Dans ses opinions ou interventions publiques, Opaliński mettait toujours en avant le renforcement économique du pays. Un juste programme de développement des villes, une vue humanitaire et rationnelle sur le problème paysan, comparés avec ses interventions et avec l'application dans ses propres biens des idées sociales contenues dans les Satires, donnent l'image des sujets d'intérêt d'Opaliński.

Ceci donc, et non les raisons personnelles que rien ne prouve, expliquent l'hostilité d'Opaliński envers la politique de Ladislas IV, qui tendait à reconquérir la couronne suédoise avec l'appui de l'Autriche. Cette politique poussait inévitablement la Pologne à la guerre contre la Suède et la Turquie. Ce qui devait paraître indésirable au grand seigneur lucide, dénué de préjugés politiques, qui désirait la consolidation

économique du pays (où il voyait également son intérêt) plutôt que son affaiblissement par la guerre contre la puissance européenne. Nous sommes donc à la source de la critique des agissements de la cour. Dans les divergences entre l'entourage du roi et Opaliński, il est difficile de ne pas donner raison au palatin de Posnanie.

Andrzej Zajaczkowski

UNE SYNTHÈSE DE L'HISTOIRE DE POLOGNE?

L'auteur de l'article polémique estime que le projet d'Histoire de Pologne ne consacre pas assez de place à l'histoire sociale et économique de l'ordre de la noblesse qui a joué un grand rôle dans l'histoire de la Pologne. Une attention insuffisante a été accordée à la création de l'ordre de la noblesse, et surtout au processus de sa division interne en couches. Pour cette raison, l'image des luttes de classe dans la Pologne féodale est incomplète.

Le caractère non synthétique du projet est dû surtout au manque de précision dans les faits. Au lieu d'une synthèse générale de l'histoire de Pologne, nous voyons de nombreuses synthèses des différentes époque et domaines de l'histoire. Ceci n'ôte pas au projet son caractère de manuel pour les non-historiens, mais sa valeur est diminuée par le manque de critères uniformes d'appréciation.

Le projet se ressent négativement du manque de collaboration entre les historiens et les représentants des autres disciplines humanistes.

Le fait que les auteurs du projet se soient basés sur des conceptions non classées méthodologiquement, est une lacune sérieuse. La conception de patriotisme est employée indépendamment de celle de nation, les conceptions de nation et de nationalité renferment des divergences, celle de progrès est mal définie.

L'aspect méthodologique permet d'énoncer le jugement qu'il est encore trop tôt pour une synthèse de l'histoire de Pologne.

Władysław Pałucki

LE „NAROK” DANS LE HAUT MOYEN-ÂGE

L'article polémise avec la conception du „narok” dans les oeuvres de K. Tymieniecki, surtout avec l'ouvrage: „Le „narok” dans l'économie féodale”. K. Tymieniecki considère le „narok” comme chronologiquement le plus ancien parmi les agriculteurs-fermiers, se distinguant par le genre, le montant et la manière de verser son tribut; en outre, comme caractéristique principale de ce tribut, il considère le bail en espèces. D'après K. Tymieniecki, les „narok” n'avaient rien de commun avec les villages (służebne). K. Tymieniecki qui, au début, penchait pour la théorie juridique et criminelle du „narok” (lancée par Bujak), ensuite — se basant sur les documents de Trzebnica, soutint et approfondit l'ancienne théorie de Maciejowski, selon laquelle les „narok” étaient fermiers et tributaires.

Mais, dans la conception du „narok”, il ne faut pas chercher uniquement un contenu économique. On ne peut également examiner cette question de manière statistique, et en se basant sur les documents de 1204 négliger la fonction plus

ancienne des „narok”. La conclusion que les „narok” n’avaient rien de commun avec les villages (służebne) avant 1204, n’est pas défendable. En outre, K. Tymieniecki ne parle que des „narok” de Silésie, aux dépens de ceux des autres parties de la Pologne. Se livrant aux recherches étymologiques et partant de la conception économique du terme „narok”, K. Tymieniecki a effectué une élimination des sources.

Déjà Z. Wojciechowski voyait dans les „narok” des serviteurs non définis des bourgs frontaliers, et ensuite (après l’élaboration d’un ouvrage non édité sur le „narok”) cette thèse fut soutenue par J. Dąbrowski, et combattue notamment par K. Tymieniecki.

Une motivation plus ample de l’opinion de l’auteur sur le „narok” est contenue dans un ouvrage plus important actuellement sous presse. Les „narok” polonais seraient des messagers du seigneur, destinés à entretenir une liaison rapide et régulière entre les bourgs frontaliers. Leur répartition explique leur affectation à la transmission des messages et ordres aux lieux les plus éloignés, d’où par exemple les „narok” de Lubusk (?) près de Wrocław. Cette thèse est confirmée par les recherches étymologiques comparatives („narok” — exprès, messenger, courrier). Dans la suite les „narok” perdirent ce caractère.

Zbigniew Landau, Jerzy Tomaszewski

DIPLOMATIE SECRÈTE?

Les auteurs polémisent avec l’article du professeur H. Jabłoński „La diplomatie secrète de Władysław Grabski en 1924” publié dans le No. 4-5/56 du „Kwartalnik Historyczny”.

La première partie présente les lignes générales du rapport des forces en Europe après la I-ère guerre mondiale et l’attitude de l’Angleterre et de la France envers la Pologne, et examine les causes de l’intérêt croissant manifesté par l’Angleterre à la Pologne après 1922.

Ensuite les auteurs mettent en doute la thèse fondamentale de l’article du professeur Jabłoński, d’après laquelle le gouvernement Grabski, par voie de la diplomatie secrète, tenterait de s’appuyer sur l’Angleterre en 1924. Selon les auteurs, cette thèse est contredite par des faits tels que la renonciation du gouvernement Grabski à la mission des financiers anglais dirigée par H. Young. Ils tentent également de démontrer que certains événements, considérés par le professeur Jabłoński comme preuves de la soumission du gouvernement Grabski à la pression anglaise, notamment la question du paiement des emprunts de guerre et celle des réformes financières, avaient des causes différents que celles acceptées par Jabłoński.

Les auteurs estiment que, en ce qui concerne les questions traitées par le professeur Jabłoński, il ne s’agit pas d’activité du gouvernement, tendant à intéresser l’Angleterre au sort de la Pologne, mais de l’activité d’intermédiaires habiles représentant des groupes financiers étrangers désireux d’opérer en Pologne. Ces intermédiaires essayaient d’intéresser le président du Conseil et le ministre du Trésor par des possibilités d’attirer en Pologne les capitaux anglais.

L’article se propose de provoquer une large discussion.

Jean Meynaud

Directeur d'Etudes à l'Ecole Pratique des Hautes-Etudes

SIGNIFICATION D'UNE RENCONTRE FRANCO-POLONAISE

L'Unesco, agissant à la demande du gouvernement polonais et sur initiative de l'Académie Polonaise des Sciences, a organisé, du 1 au 20 octobre 1956, en collaboration avec la Commission Nationale Française pour l'Unesco, un stage d'études sur le progrès économique et social. Ce stage a réuni une trentaine de jeunes polonais spécialistes en sciences sociales et un nombre à peu près égal de participants français. L'objectif essentiel de la réunion était de donner une impulsion décisive à la coopération des professeurs et chercheurs des pays d'Europe orientale et occidentale. La France et la Pologne avaient été choisies comme protagonistes d'un premier effort, compte tenu de la très vieille tradition d'amitié qui unit les deux pays. Le programme du stage a été fondé sur une division en trois phases successives (historique, économique, sociologique) correspondant chacune à une semaine de travail et respectivement présidée par les professeurs: Fernand Braudel (Collège de France), Jean Lhomme (Faculté de Droit de Paris), Georges Friedmann (Conservatoire National des Arts et Métier). En vue de renforcer l'unité du colloque, on s'est efforcé de poser aux divers spécialistes des problèmes de même type ou, si l'on préfère, de choisir les thèmes de chaque semaine dans les grandes classes de problèmes suivantes: 1°) Examen des tendances méthodologiques actuelles dans la recherche; 2°) Etude de la notion même de progrès; 3°) Analyse de quelques uns des grands problèmes du monde actuel; 4°) Contribution des sciences sociales à la politique sociale.

On a choisi pour remplir ce rôle essentiellement des savants polonais et français. Du côté polonais: les professeurs Nina Assorodobraj-Kula, Aleksander Gieysztor, Konstanty Grzybowski, Witold Kula, Edward Lipiński, Tadeusz Łychowski, Bronisław Minc, Bodgan Suchodolski, Jan Szczepański. Du côté français: les professeurs R. Daval, Pierre Dieterlen, Gaston Leduc, Claude Levi-Strauss, Charles Morazé, Pierre Vilar, Jean Weiller. De plus, ont apporté leur concours: deux spécialistes britanniques (Thomas Bottomore et R. Miliband, tous deux de la London School of Economics and Political Science) et un suisse (le professeur Roger Girod, de l'Université de Genève).

Incontestablement, le stage a donné des résultats positifs, sous forme d'un échange libre et fructueux d'opinions et d'expériences. Naturellement il n'a pu conduire à la solution de tous les problèmes, mais il a fourni de nombreuses idées et suggestions pour les recherches futures. Le colloque a également permis de formuler des motions pour l'organisation de stages de ce genre.

On ne peut qu'émettre le voeu que l'Unesco et les Commissions nationales intéressées mettent tout en oeuvre pour faciliter cette coopération qui correspond à un désir très profond des intellectuels français et polonais: ce désir constitue un facteur unique de compréhension naturelle dans un monde qui n'en est plus tellement pourvu.

DES EVÉNEMENTS SCIENTIFIQUES DU PAYS

Du 19 au 21 octobre a délibéré à Varsovie le Congrès Jubilaire de la Société Polonaise d'Histoire à l'occasion de son 70-ème anniversaire. Mr le professeur

M. François, secrétaire général du Comité International des Sciences Historiques, ainsi que les représentants des Sciences Historiques de l'URSS, de la Tchécoslovaquie, de la Hongrie, de la République Démocratique Allemande et de la Chine ont pris fait aussi au Congrès. Outre les débats plénières, le Congrès a délibéré dans les cinq sections suivantes: histoire universelle, histoire contemporaine, archives et sciences auxiliaires de l'histoire, recherches régionales, ainsi que didactique et affaires concernant les jeunes historiens. Au cours des débats plénières des rapports consacrés à l'histoire de la Société Polonaise d'Histoire ont été présentés par les prof. prof. T. Manteuffel et M. H. Serejski, à propos du 70-ème anniversaire de la Société Polonaise d'Histoire, et par le professeur A. Stebelski, à propos du 50-ème anniversaire de la Société Varsovienne des Amis de l'Histoire. Le Congrès s'est occupé également des changements des formes d'organisation de la Société Polonaise d'Histoire (dans le courant de l'année dernière le nombre des membres de la Société Polonaise d'Histoire s'est accru de 25%, et, par rapport à l'année 1939 — de 65%), a accepté les directives relations au programme de la Société Polonaise d'Histoire, présentées par le prof. N. Gąsiorowska, ainsi que le nouveau statut de la Société. Les discussions dans les sections on été consacrées principalement à la situation dans chacun des domaines des sciences historiques et aux tâches se trouvant devant chacun de les domaines. Pendant les débats de la section d'Histoire universelle on a constaté dans le domaine de la science un relâchement de contacts avec certains pays des cinquantes années. On tendra actuellement à prendre une plus grande part aux travaux des commissions internationales et des conférences consacrées à l'histoire. On s'est arrêté sur l'objet des recherches sur l'histoire universelle dans nos conditions. Une partie des participants a été d'avis que dans les recherches sur l'histoire universelle il faut avant tout prendre en considération les questions relatives aux contiguités de l'histoire de la Pologne avec l'histoire universelle, les problèmes concernant la participation de la Pologne dans les relations internationales; d'autres se sont prononcé en faveur de problèmes que ne se trouvent pas en étroits rapports avec les affaires polonaises, et ont démontré la nécessité de s'occuper des problèmes cardinaux de l'histoire universelle. On a postulé également l'élargissement des informations se rapportant à la bibliographie et concernant les éditions étrangères, ainsi que la popularisation à l'étranger des résultats de nos recherches.

Dans la section d'Histoire contemporaine on a souligné très fort la nécessité de rompre avec la caractéristique erronée, dans nombre de cas, de la période suivant l'année 1918; on a mentionné la nécessité de l'élargissement de la base, des sources se rapportant à cette période, et, avant tout, à la période de l'occupation hitlérienne. Dans la section de l'histoire régionale on a souligné que les recherches historiques régionales sont d'une grande importance, notamment sur l'histoire des territoires de l'Ouest. Dans la section des archives on a fait remarqué qu'une partie considérable des actes enlevés par les hitlériens n'ont pas été rendus à la Pologne et qui devraient lui revenir à titre de ses nouvelles frontières. Quant à la section de l'éducation des jeunes historiens, on s'y est arrêté sur les moyens d'élever le niveau d'enseignement de l'histoire dans les écoles élémentaires et secondaires, comme dans les universités, ainsi que sur la question des conditions dans lesquels se développent les cadres de jeunes historiens¹.

¹ La „Revue Trimestrielle d'Histoire” a consacré une note brève aux débats du Congrès de la Société Polonaise d'Histoire dans le Nr. 6 de 1956 et un compte rapport dans le Nr. 1 de 1957.

La discussion sur l'histoire contemporaine de la Pologne s'est prolongée au cours d'une conférence spéciale qui a été convoquée pour le 5 et le 6 décembre 1956. Comme l'a montré à l'ouverture de la conférence Cz. Madajczyk, professeur agrégé, l'histoire contemporaine est restée en arrière par rapport aux recherches sur les autres périodes de l'histoire. Les travaux sur l'histoire contemporaine ont été déterminés par des thèses avancées a priori et par une fausse interprétation de l'esprit de partie dans la science; cela concerne particulièrement l'histoire du mouvement ouvrier. De plus ont été énoncés au cours de la conférence 3 discours introduisant les participants dans les trois principaux thèmes auxquels fut consacrée la conférence. Ces thèmes ont été développés et complétés dans le rapport de Cz. Madajczyk.

Le prof. Kowalski a discuté le projet (déjà partiellement réalisé, du reste) de transformation de la Section d'Histoire du Parti en une institution scientifique aux buts quelque en autres, et a jeté des lumières sur les causes des erreurs commises jusqu'à lors par la section d'Histoire du Parti. Le directeur, H. Altman, a discuté des problèmes cardinaux concernant les archives, ce qui se lie aux perspectives d'une plus grande possibilité de recherches dans le domaine de l'histoire contemporaine et, entre autres, du problème de la revendication des actes se trouvant à l'étranger, ainsi que du problème de l'organisation des archives. Le prof. W. Kula a touché des questions concernant l'éducation des cadres scientifiques dans le domaine de l'histoire contemporaine, ainsi que des possibilités, dont disposent dans cette matière les différents universités et centres scientifiques.

Outre les trois principaux thèmes, la discussion a touché à d'autres questions et a avancé nombre de postulats concrets.

On a fait particulièrement remarquer que les recherches sur la période de la 2-ème guerre mondiale et la question du révisionisme allemand ont été jusqu'alors négligées². C'est au sujet du Congrès de Société Polonaise d'Histoire et de la discussion sur les tâches se trouvant devant les historiens polonais que sont consacrés les énoncés suivants, renformés dans le numéro courant de la „Revue Trimestrielle d'Histoire“: l'article du prof. N. Gąsiorowska, intitulé: „La science historique devant les tâches du moment actuel“ et évaluant les travaux du Congrès de la Société Polonaise d'Histoire et les conclusions qui en ressortent, l'article du président de la Société Polonaise d'Histoire, St. Herbst, sur „Les tâches et les perspectives des travaux ultérieurs de la Société Polonaise d'Histoire“, qui examine les tâches des sections et du Comité Central de la Société pendant la période préparatoire jusqu'au VIII-ème Congrès Général des Historiens Polonais (automne 1958).

Dr F. Persowski, dans son article intitulé: „Le rôle des centres provinciaux dans le développement de la culture historique“, examine, en se basant sur l'expérience acquise par de centre de Przemyśl (territoires du Sud-Est), les conditions dans lesquels se développe la vie scientifique en province. Les recherches effectuées sur la base des archives et des bibliothèques locales, ainsi que les matériaux rendus accessibles par leur intermédiaire, doivent être mis sous la tutelle des institutions scientifiques centrales. L'auteur est d'avis que la culture historique dans les centres provinciaux devrait se développer autour des problèmes d'histoire des régions respectives en connexion avec des problèmes d'ordre national.

² Le discours fait par Mr Cz. Madajczyk à l'ouverture de la discussion, relativement aux „Recherches dans le domaine de l'histoire contemporaine de la Pologne“, a paru dans la „Revue Trimestrielle d'Histoire“, dans le Nr. 1 de 1957.

³ Les débats de la conférence ont été présentés plus amplement dans le numéro courant de la „Revue Trimestrielle d'Histoire“.